

ПРОЩАЙТЕ, МАДЕМУАЗЕЛЬ ВЕРОНИКА

I

Если кончу дни под крылом голубки,
что вполне реально, раз мясорубки
станутся роскошью малых наций —
после множества комбинаций
Марс перемещается ближе к пальмам;
а сам я мухи не трону пальцем
даже в ее апогей, в июле —
словом, если я не умру от пули,
если умру я в постели, в пижаме,
ибо принадлежу к великой державе,

II

то лет через двадцать, когда мой отпрыск,
не сумеет отоварить лавровый отблеск,
сможет сам зарабатывать, я осмелюсь
бросить свое семейство — через
двадцать лет, окружен опекой
по причине безумия, в дом с аптекой
я приду пешком, если хватит силы,
за единственным, что о тебе в России
мне напомнит. Хоть против правил
возвращаться за тем, что другой оставил.

III

Это в сфере нравов сочтут прогрессом.
Через двадцать лет я приду за креслом,
на котором ты предо мной сидела
в день, когда для Христова тела
завершались распятыя муки —
в пятый день Страстной ты сидела, руки
скрестив, как Буонапарт на Эльбе.
И на всех перекрестках белели вербы.
Ты сложила руки на зелень платья,
не рискуя их раскрывать в объятья.

IV

Данная поза, при всей приязни,
это лучшая гемма для нашей жизни.
И она — отнюдь не недвижность. Это —
апофеоз в нас самих предмета:
замена смиренья простым покоем.
То есть новый вид христианства, коим
долг дорожить и стоять на страже
тех, кто, должно быть, способен, даже
когда придет Гавриил с трубою,
мертвый предмет продолжать собою!

V

У пророков не принято быть здоровым.
Прорицатели в массе увечны. Словом,
я не более зряч, чем Назонов Калхас.
Потому прорицать — все равно, что кактус
или львиный зев подносить к забралу.
Все равно, что учить алфавит по Брайлю.
Безнадежно. Предметов, по крайней мере,
на тебя похожих на ощупь, в мире,
что называется, кот наплакал.
Какова твоя жертва, таков оракул.

VI

Ты, несомненно, простишь мне этот
гаерский тон. Это лучший метод
сильные чувства спасти от массы
слабых. Греческий принцип маски
снова в ходу. Ибо в наше время
сильные гибнут. Тогда как племя
слабых — плодится и врозь и оптом.
Прими же сегодня, как мой постскрипtum
к теории Дарвина, столь пожухлой,
эту новую правду джунглей.

VII

Через двадцать лет, ибо легче вспомнить
то, что отсутствует, чем восполнить

это чем-то иным снаружи;
ибо отсутствие права хуже,
чем твое отсутствие, — новый Гоголь,
насмотреться сумею, бесспорно, вдоволь,
без оглядки вспять, без былой опаски, —
как волшебный фонарь Христовой Пасхи
оживляет под звуки воды из крана
спинку кресла пустого, как холст экрана.

VIII

В нашем прошлом — величье. В грядущем — проза.
Ибо с кресла пустого не больше спроса,
чем с тебя, в нем сидевшей Ла Гарды тише,
руки сложив, как писал я выше.
Впрочем, в сумме своей, наших дней объятья
много меньше раскинутых рук распятыя.
Так что эта находка певца хромого
сейчас, на Страстной Шестьдесят Седьмого,
предо мной маячит подобьем вето
на прыжки в девяностые годы века.

IX

Если меня не спасет та птичка,
то есть если она не снесет яичка,
и в сем лабиринте без Ариадны
(ибо у смерти есть варианты,
предвидеть которые — тоже доблесть)
я останусь один и, увы, сподоблюсь
холеры, доноса, отправки в лагерь,
то — если только не ложь, что Лазарь
был воскрешен, то я сам воскресну.
Тем скорее, знаешь, приближусь к креслу.

X

Впрочем, спешка глупа и греховна. Vale!
То есть некуда так поспешать. Едва ли
может крепкому креслу грозить погибель.
Ибо у нас, на Востоке, мебель
служит трем поколениям кряду.
А я исключая пожар и кражу.

Страшной, что смешать его могут с кучей
других при уборке. На этот случай
я даже сделать готов зарубки,
изобразив голубка́ голубки.

XI

Пусть теперь кружит, как пчелы ульев,
по общим орбитам столов и стульев
кресло твое по ночной столовой.
Клеймо — не позор, а основа новой
астрономии, что — перейдем на шепот —
подтверждает армейско-тюремный опыт:
заклейменные вещи — источник твердых
взглядов на мир у живых и мертвых.
Так что мне не взирать, как в подобны лица,
на похожие кресла с тоской Улисса.

XII

Я — не сборщик реликвий. Подумай, если
эта речь длинновата, что речь о кресле
только повод проникнуть в другие сферы.
Ибо от всякой великой веры
остаются, как правило, только мощи.
Так суди же о силе любви, коль вещи
те, к которым ты прикоснулась ныне,
превращаю — при жизни твоей — в святыни.
Посмотри: доказуют такие нравы
не величье певца, но его державы.

XIII

Русский орел, потеряв корону,
напоминает сейчас ворону.
Его, горделивый недавно, клекот
теперь превратился в картавый рокот.
Это — старость орлов или — голос страсти,
обернувшейся следствием, эхом власти.
И любовная песня — немногим тише.
Любовь — имперское чувство. Ты же
такова, что Россия, к своей удаче,
говорить не может с тобой иначе.

XIV

Кресло стоит и вбирает теплый
воздух прихожей. В стояк за каплей
падает капля из крана. Скромно
стрекочет будильник под лампой. Ровно
падает свет на пустые стены
и на цветы у окна, чьи тени
стремятся за раму продлить квартиру.
И вместе всё создает картину
того в этот миг — и вдали, и возле —
как было до нас. И как будет после.

XV

Доброй ночи тебе, да и мне — не бденья.
Доброй ночи стране моей для сведенья
личных счетов со мной пожелай отсюда,
где, посредством верст или просто чуда,
ты превратишься в почтовый адрес.
Деревья шумят за окном и абрис
крыш представляет границу суток...
В неподвижном теле порой рассудок
открывает в руке, как в печи, заслонку.
И перо за тобою бежит вдогонку.

XVI

Не догонит!.. Поелику ты — как облак.
То есть облик девы, конечно, облик
души для мужчины. Не так ли, Муза?
В этом причины и смерть союза.
Ибо души — бесплотны. Ну что ж, тем дальше
ты от меня. Не догонит!.. Дай же
на прощание руку. На том спасибо.
Величава наша разлука, ибо
навсегда расстаемся. Смолкает цитра.
Навсегда — не слово, а вправду цифра,
чьи нули, когда мы зарастем травой,
перекроют эпоху и век с лихвою.